

Е Цзы простил Кролика. Они больше не вспоминали о произошедшем в тот день, и вскоре жизнь вернулась в спокойное русло. В будни Е Цзы ходил на работу с девяти до шести. Готовил всегда Кролик, но когда у него были пары и он не успевал, они с Е Цзы шли есть в город. Янь-эр исполнился год с лишним, она научилась издавать забавные звуки вроде «га-га». Е Цзы души не чаял в младшей сестрёнке: как только выдавалась свободная минутка, он брал её на руки, а вечерами они с Кроликом гуляли с ней, и Е Цзы сажал её себе на шею, катая «на лошадке». Разумеется, не обошлось без курьёзов: однажды Янь-эр, едва усевшись, вдруг расплакалась. Е Цзы долго не мог понять, в чём дело, пока не почувствовал на шее что-то мокрое и дурно пахнущее — оказалось, малявка описалась...

Едва достигнув совершеннолетия, Кролик получил права и теперь каждые каникулы садился за руль своего белого седана, чтобы покатать Е Цзы. С машиной и правда было удобно. Весной они ездили в ботанический сад любоваться сакурой, персиком и грушей; летом поднимались в горы слушать лягушек и смотреть на звёзды или отправлялись в мир цветущих лотосов, вдыхая их нежный аромат; осенью бродили среди качающихся на ветру красных клёнов; зимой нежились в горячих источниках и любовались цветением сливы.

Е Цзы, наверное, навсегда запомнит это лето.

Они с Кроликом поехали на горный курорт, бродили по старому городку, вместе сидели на корточках у пруда, слушая забавное «дэн-дэн-дэн» и «бум-бум-бум» — пение лягушек-музыкантов. Яркая половинка луны висела прямо над головой, запутавшись в ветвях; в тусклом свете ночных фонарей медленно вращались ветряные мельницы; тысячи деревьев в искусственном освещении казались изумрудными и тёмно-золотыми, а в траве колыхались разноцветные космеи.

По извилистой тропинке они поднялись к горной беседке, откинулись на спинки скамеек и посмотрели вверх. В городе, где жил Е Цзы, звёзд уже давно не было видно. А здесь небо просто сияло мириадами огней. Небосвод казался нефритовым блюдом, которое держали горы, а звёзды — бесчисленными драгоценными камнями. При долгом созерцании начинало казаться, что звёзды — живые светящиеся существа. Они плавали в вышине, играли, и, казалось, стоит только зазеваться — они превратятся в метеоры и упадут прямо перед тобой. И луна не молчала — она пела. Её песня превращалась в ветер, в переключку насекомых и наполняла душу покоем.

Е Цзы и Кролик сидели плечом к плечу, держась за руки, чувствуя горный ветерок и слушая мелодию ночи, пока их не начал одолевать сон. Они вместе вернулись в номер и легли спать.

Е Цзы выкладывался на работе и вскоре перевёлся в отдел продаж. Средняя зарплата там была намного выше, но и задерживаться приходилось дольше: часто из-за пары клиентов он возвращался домой лишь к одиннадцати-двенадцати ночи. Кролику это не нравилось, но Е Цзы всегда отличался упрямством и не собирался всё бросать только из-за его возражений.

Его начальником был мужчина лет тридцати по имени Чжан Тао — ростом около метра семидесяти, полноватый, общительный и пронырливый. Поначалу Е Цзы радовался, что попал в его команду: по продажам она ежегодно входила в тройку лучших по компании. Однако, проработав там некоторое время, он начал замечать странности.

Чжан Тао постоянно распускал руки. Каждый раз, что-то объясняя Е Цзы, он делал это в фамильярной манере, почти обнимая, его лицо всегда оказывалось слишком близко, а запах табака изо рта был просто невыносим. Когда Е Цзы отправлялся с Чжан Тао на встречи с клиентами, тот вёл себя ещё развязнее. Казалось, его целью было не уговорить клиента, а напоить Е Цзы.

Однажды они вышли из ресторана уже около десяти вечера. Е Цзы почувствовал себя плохо и сказал, что хочет домой, но Чжан Тао затащил его в такси. Очнулся Е Цзы уже в гостинице! Он резко оттолкнул начальника, настаивая на том, что хочет уйти. Но Чжан Тао схватил Е Цзы за задницу и заявил:

— Хватит ломаться, я давно знаю, что ты гей. Хм, я же вижу, тебе самому давно хочется, да? Я ещё ни разу не пробовал с мужиком, почему бы нам сегодня не развлечься?

— У меня есть парень, — сдерживая гнев, Е Цзы стряхнул его руку.

— Парень? Откуда у геев вообще принципы? У каждого из вас полно парней, так что не надо ля-ля... Давай так: если сегодня ублажишь меня, отдам тебе тот крупный заказ от винзавода. Знаешь ведь, если закроешь сделку, на комиссионные сможешь купить машину!

В ту ночь Е Цзы удалось сбежать. Случившееся привело его в ярость, но жаловаться было стыдно, рассказать Кролику, который мог взорваться в любой момент, — тем более невозможно. Поэтому он решил просто повысить свои показатели и постараться перейти в другую команду. После этого случая он старался избегать Чжан Тао на работе. Но разве Чжан Тао был из тех, кто так просто сдаётся?

Прошла примерно неделя, начался июль. Е Цзы принимал клиента и вернулся только к вечеру. Погода была мрачной: небо затянули тучи, гремел гром — собиралась гроза. Он отлучился в туалет, вернулся на своё место, сделал пару глотков чая и стал смотреть сквозь стекло на усиливающийся дождь, на спешащих прохожих и раскрывающиеся зонты. Вскоре полило как из ведра.

Голова закружилась, навалилась свинцовая усталость. И тут перед Е Цзы кто-то сел. Это был Чжан Тао. Он что-то говорил с улыбкой, слов было не разобрать, но голос звучал липко и противно. Мерзость. Затем он наклонился к Е Цзы. Его лицо приближалось, глаза были налиты кровью, а из полуоткрытого рта разило табаком. Какая гадость.

И этот омерзительный мужик высунул язык и лизнул его щёку! Е Цзы попытался вырваться — тело не слушалось. Он с ужасом понял: его, похоже, опоили — пока Е Цзы ходил в туалет, Чжан Тао подмешал что-то ему в напиток!

Чжан Тао продолжал свои домогательства. Е Цзы сопротивлялся из последних сил и вдруг, глянув сквозь стекло, увидел Кролика. Капли дождя ползли по стеклу, повинаясь гравитации, и скатывались вниз, собираясь в ручейки. Е Цзы не понимал, как он мог видеть всё так чётко, но факт оставался фактом: на улице под чёрным зонтом стоял Кролик. Он смотрел на них сверху вниз, и его глаза, скрытые тенью, не выражали абсолютно ничего. Затем сознание покинуло Е Цзы.

Его разбудил раскат грома. Очнувшись, он обнаружил, что лежит на мягком диване в гостиной особняка. Яростный ветер бился в окна, снаружи стеной шёл дождь. Сквозь шум ливня Е Цзы услышал звуки фортепиано. Мелодия была ему знакома — Бетховен, соната № 17, «Буря».

Играл Кролик. Сидя за чёрным роялем, играл как одержимый. Да, именно как одержимый, в темноте колотя по клавишам с неистовой жестокостью, выплёскивая свою ярость. В его исполнении не было ни капли нежности, оно действительно напоминало бурю, сметающую всё на своём пути, готовую уничтожить всё живое на земле, смыть любые ненавистные следы. Ноты вырывались стремительно и безудержно, басы звучали глухо и тяжело, акценты потрясали до глубины души. Даже не видя его, можно было представить, с какой силой он ударяет по клавишам, — казалось, он будет играть, пока пальцы не начнут кровоточить.

Бетховен. Соната № 17 «Буря». Исполняет Денис Мацуев.
<https://www.youtube.com/watch?v=xnv6H4Sx1GQ&themeRefresh=1>

Заворожённый музыкой, Е Цзы босиком пошёл к нему. Он заметил, что Кролик играет не одно произведение. В его мелодию вплетались фантазия-экспромт и «Героический полонез» Шопена. Казалось, вся комната вибрирует в такт музыке, особенно когда звучал полонез. Он должен был воодушевлять, но Кролик, вероятно, вложил в него слишком много личного, и музыка наполнилась разрушительной силой и отчаянием.

Ф. Шопен. Фантазия-экспромт до-диез минор, исполняет Николай Луганский.
<https://www.youtube.com/watch?v=v-gBeMsMIuA>

Ф. Шопен. Полонез ля-бемоль мажор, опус 53, «Героический».
https://www.youtube.com/watch?v=YPRFfQ_nw_c

Вскоре Е Цзы подошёл к нему. Вспышка молнии на мгновение озарила комнату, и он наконец увидел: белая рубашка Кролика залита кровью, с волос на бледный лоб течёт дождевая вода, смешанная с кровью. Его лицо, запястья, кисти рук покрывала тёмно-красная жидкость, чёрно-белые клавиши были измазаны грязно-красным месивом.

Е Цзы стало холодно, очень холодно. Его сердце бешено колотилось, а дыхание сбилось. Прошло много времени, прежде чем он спросил:

— Ты убил его?

Игра Кролика резко оборвалась. Он поднял глаза на Е Цзы, и натянул ненастоящую улыбку. Радужка прищуренных глаз была такой светлой, что казалась светящейся. Половину лица заливала кровь — зрелище поистине жуткое. Но говорил он мягко, неторопливо, словно рассказывал сказку:

— Да. Отвёл в переулок, достал из его сумки ту дрянь и заставил сожрать. А потом... Хм. Вырвал ногти, отрубил кисти рук, содрал кожу, вытащил его мерзкие потроха... Этот тип, похоже, дымил как паровоз — лёгкие были совсем чёрные... Наверное, из-за наркотика он даже без рук и ног, с выпущенными кишками молил о пощаде. Такой жалкий... Напоминал выпотрошенную рыбу, которая всё ещё трепыхается. Но он был слишком шумным, действовал на нервы, поэтому я отрезал ему язык.

Е Цзы слушал с замиранием сердца, не перебивая. На самом деле, как ни странно, он почувствовал необъяснимый подъём, и это чувство пугало его самого. Договорив, Кролик поднял руку и ледяными пальцами нежно погладил щёку Е Цзы, слегка склонил голову, словно невинный ребёнок:

— А-Цзы, он лизнул тебя вот здесь, да?

Е Цзы на секунду опешил, затем кивнул. Кролик резко притянул голову Е Цзы к себе, высунул язык и с силой лизнул то самое место. В нос ударил резкий запах крови. Е Цзы нахмурился и попытался оттолкнуть его, но Кролик перехватил его запястье и продолжил с силой лизать ту часть щеки. От касания горячего, влажного языка дыхание Е Цзы сбилось, но стоило ему расслабиться, как его пронзила острая боль! Он резко оттолкнул Кролика и схватился за щёку. Боже, этот псих Кролик действительно укусил его! — по лицу текла кровь.

Е Цзы посмотрел на него с нескрываемым изумлением:

— Какого хрена ты творишь?!

Выражение лица Кролика мгновенно изменилось. Он широко раскрыл глаза и в шоке уставился на стекающую по лицу Е Цзы кровь, словно не мог поверить, что сам это сделал.

— Прости... Я не нарочно...

Е Цзы развернулся, собираясь уйти. Кролик тут же обхватил его сзади. Его голос охрип, казалось, он вот-вот расплачется:

— Прости, я больше никогда так не сделаю... Я виноват... Я виноват... Прости! А-Цзы! Прости...

Извиняясь, Кролик взял лицо Е Цзы в ладони и стал осторожно целовать рану. Теперь в нём не было прежней нервозности, движения стали лёгкими и предельно бережными. Е Цзы не хотел этого признавать, но он действительно был бессилен перед слезами Кролика. Каждый раз, слыша этот плачущий голос и видя слёзы, он невольно смягчался.

Рана была неглубокой — просто царапина, содранная кожа, но когда с ней стали обращаться так нежно, боль превратилась в странное ощущение. Щека онемела, тело ослабло. Горячий ток пронзил голову и спустился по позвоночнику, вскоре Е Цзы невольно сжал ноги. Кролик улыбнулся:

— Можно, а-Цзы?

Е Цзы ответил действием. Он обвил шею Кролика руками, наклонил голову и глубоко поцеловал его. Кролик расстегнул пуговицы Е Цзы, одну за другой снимая с него одежду. Усадил Е Цзы на рояль и начал покрывать поцелуями всё его тело, поднимаясь от лодыжек к внутренней стороне бедер. Под раскаты грома они снова слились воедино.

Частые капли дождя за окном звучали ноктюрном о крови, смерти, отчаянии, любви. Эти двое играли его своими душами. Даже израненные, даже покрытые кровью — они должны были продолжать.

Глубокой ночью они вдвоём лежали в горячей ванне. Обнимая полусонного Е Цзы, Кролик тихо спросил:

— В будущем... ты ведь не бросишь меня? Не предашь?

— Кто знает будущее?

— Если такой день настанет, я лучше умру.

Е Цзы зевнул:

— Слушай, почему ты такой пессимист? И какой смысл в этих вопросах? Ты и правда как маленький.

Кролик нежно поцеловал Е Цзы в затылок, словно пропустив его ворчание мимо ушей, и хрипло продолжил:

— А-Цзы, ты знаешь... в этом мире нет никого, кто любил бы тебя сильнее, чем я.

— Ну и сомнение.

— Если бы ты любил меня хотя бы на одну тысячную так же сильно, как я тебя, мне бы этого хватило. А-Цзы, я тебе нравлюсь?

Е Цзы помялся секунд десять и тихо ответил:

— Нравишься.

— А ты любишь меня?

Е Цзы заколебался. Он долго думал, прежде чем, слегка покраснев, сказать:

— А ты как думаешь, почему я живу с тобой? Почему терплю все твои безумные выходки?

Е Цзы думал, что Кролик запрыгает от радости, ведь это был первый раз, когда он, пусть и завуалированно, признался в любви. Однако Кролик не шелохнулся. Лишь спустя долгое время он тихо спросил:

— Но... как ты можешь это доказать?

Е Цзы удивился:

— А?

— А-Цзы, на самом деле ты меня не знаешь. Когда узнаешь обо мне всё, продолжишь ли любить? Сможешь ли вытерпеть меня?

Е Цзы начал раздражаться:

— Ну что за проблемный парень... Ладно, говори, как мне доказать?

— Убьёшь ради меня ещё одного человека? Его я ненавижу больше всех на свете.

— Кто это?

— Мой отец.

<http://bllate.org/book/14916/1582414>